

ВАГИФ СУЛТАНЛЫ

ДЕРВИШ

Алиму Гасымову

Он не помнил, когда встал на этот путь, будто не разум вел его, не рассудок, а шел он, завороженный и увлекаемый каким-то невиданным, неведомым ощущением, божественным зовом, идущим из небытия.

Это была не дорога, это нельзя было назвать дорогой; даже чувствуя по струящемуся под ногами песку, что идет он по пустыне, он не знал, где начало этого пути, куда ведет он, отчего он путник той дороги и когда дойдет он до места.

Никогда еще пустыня не казалась ему такой таинственно-загадочной. Что так завораживало его в этом море песка?.. Все, что будто впервые видит он вокруг, странно очаровывает его, полнит чувствами и уносит куда-то прочь от себя самого.

Он давно вынашивал в душе желание отправиться в путь, и желание это, крупица за крупицей, все росло в нем, не давая покоя и отдыхновения: он чувствовал, что уже не хочет жить, как прежде, все, чего касается взгляд, томит его донельзя, говоря о невыносимой обыденности. И это скитание не из стремления к чему-то, не из желания вовлечься во что-то, а в знак протesta против невыносимого однообразия жизни.

Сейчас, вспоминая все это, перед глазами проплывают разрозненные картины жизни, и он сожалеет о прошедших впустую годах.

Вдруг, остановившись, он поднял голову; пустыня окрасилась в зеленый-презеленый цвет. Утратив свой естественный цвет, волнующееся море песка вдруг стало зеленым, будто на серый песок накинули зеленый бархат; и он уже не чувствовал, как песок течет у него под ногами.

Остановившись, он мгновение разглядывал обляющую зеленью степь; он никак не мог осознать, что в мгновенье ока мир смог сотворить такое чудо.

Потом, взяв свою суму перemetную, продолжил путь по зеленому лугу, покрывшему пустыню. Сума на плече была тяжелой, но овладевшее им очарование не давало почувствовать ее тяжести.

Вскоре зелень, окутавшая пустыню, стала уже невидимой среди моря серого песка.

Ему хотелось танцевать; танцевать посреди этой пустыни без конца и без края, пока не устанет, пока не избавится от этого желания танцевать.

Дервиш вдруг остановился, снял с плеча суму, положил на землю. "Что же вело его, куда бы он ни шел, почему не хотел даже на миг остановиться, передохнуть, отдохнуться?"

Неведома ему уготованная судьба, но это его не страшит, по мере того, как идет он, очарование того таинственного мира туманом обволакивает дух и все существо его.

В памяти дервиша смешались прошлое и будущее. "Что повернуло течение жизни его совсем в другом направлении, что, забрав его у самого себя, у сути своей, поставило его лицом к лицу с миром, со временем? Сколько это будет длиться? Придет ли однажды конец этим мучениям?"

На эти вопросы ответа он найти не мог; а, может, и не хотел искать ответа, неопределенность места, куда он рвался, была так привлекательна, так притягательна, что, несмотря на ожидающие его опасности, он отдавался этой неопределенности.

Обрывистые звуки колокольчика, доносимые ветром, сообщали, что где-то близко караван.

Каким бы родным и близким не казался ему этот звук, свернуть с дороги и присоединиться к каравану он не хотел, думая, что, поступи он так, это будет бегством от доли своей, от судьбы.

Он услышал плеск воды; непроизвольно замедлив шаг, прислушался к тем звукам, что прохладой объяли все его существо. По шуму воды явно чувствовалось, что она недалеко. Но откуда, с какой стороны доносились эти звуки? Возможно ли было так ясно слышать шум воды посреди пустыни? Странно было и то, что с каждым шагом звуки эти становились все громче и отчетливее. Чтобы добраться до воды, он ускорил шаг. И вдруг его охватило изумление при виде открывшейся глазам картины; на всю пустыню расстипалось голубое море. Громадная толща воды мерно накатывала на песчаный берег, и после с тихим шорохом отходила назад.

Дервиш, стоя на берегу, смотрел на бескрайнее голубое море; в жизни своей не видел он моря такой голубизны, такой чистоты.

Он уже не чувствовал жажды, будто прохлада, голубизна и прозрачность моря, затопив нутро его, загасили жажду.

Закрыл глаза.

Сняв чарыхи, вошел в воду. Прохлада воды разлилась по всему телу, неся с собой покой. Какое-то время он шел по берегу, оставляя следы на мокром песке. "В каком же направлении он должен был идти?" Какое-то необычное желание звало его в морские объятия, не давало остановиться, стоять, отдыхать.

И с этим желаниям он направился в море, идя по воде. Море плескалось под ногами, волны, брызгающие по сторонам, росли, становились огромными.

Скоро начался ливень, в мгновение ока небо слилось с морем, мир накрылся водой, селем.

Он не помнил, сколько шел морем; водяной сель никак не кончался. Он ругал, проклинал себя, судьбу свою за то, что отправился в путь, очарованный этим волшебным звуком.

Открыл глаза, вновь увидел себя в пустыне. Пологие холмы, выстроившиеся вдоль горизонта, говорили о том, что впереди начинается совершенно иной мир. Чем дальше, тем все выше становились холмы, превращаясь чуть ли не в отвесные скалы, сливающиеся с небесным сводом ввышине.

Достанет ли у него сил одолеть подъем? Этого он не знал, знал лишь одно, что бы там ни было, он должен одолеть этот подъем, все, все начнется после этого, иначе какой толк было преодолевать такое расстояние.

С того момента, как морские воды коснулись его ног, он забыл об усталости, шел дальше спокойным шагом, но этот путь уже не похож был на прежний. На пути, по которому он шел до сих пор, не было таких круч; подъем становился все круче, дыхание его учащалось, шаг становился медленнее, но он не останавливался, будто если он остановится перевести дыхание, все исчезнет, закончится.

Однако он все же остановился и оглянулся на длинную-предлинную дорогу, по которой прошел: по склону горы, бележ, вилась тропинка. Он не мог представить, уразуметь, как прошел он такой длинный путь.

И снова он продолжил путь. Вокруг дороги - глубокие, бездонные, суровые пропасти, тропинка становится все уже, идти все труднее, в глазах темнеет, когда смотрит он в разинутые пасти пропастей то слева, то справа.

Стемнело, и он с трудом различал, куда ступает. Он уже не может идти, как раньше, шагает осторожно, боится сорваться в пропасть. С другой стороны, его

одолевало желание, прогнав из сердца страх, сорваться вниз, не обращая внимания на камни и кусты, оставить тропу и одолеть подъем.

"Кто и когда проложил эту тропу? Какие люди прошли по ней? Есть ли у него право идти по ней? Если есть, кто дал ему это право? Почему он должен идти по тропе, проложенной другими?.."

Не почувствовав, он сошел с тропы и углубился в темень. Хоть и не знал он теперь, куда идет, ему стало гораздо легче, чем раньше. Будто сняли с него тяжкий груз и не пугали его ни бездонные пропасти, ни камни под ногами, раздиравшие в кровь ступни и ногти, оншел легко, словно по ровной гладкой дороге, а не в гору.

Похолодало, но несмотря на это, он весел был в поту, оттого что шел в гору, но стоило ему придержать шаг, тело остыпало, леденели руки-ноги; чтобы не мерзнуть, он шел, что было сил, как бы там ни было, он хотел добраться до места.

Однако конца пути не видно, подъем все тянулся и тянулся вверх. Камни и кусты разодрали в кровь ему руки и ноги, но тело боли не ощущало, будто мышцы его стали безразличны и бесчувственны ко всему, кроме божественного ощущения, что влекло его за собой.

Всю ночь он карабкался в гору. Иногда останавливался, на мгновение переводил дух, и снова продолжал свой путь. Когда заалел восток, он увидел себя на вершине горы и, наблюдая восход, спокойно вздохнул.

На вершине горы дорога, обернувшись белоснежным покрывалом, заканчивалась и с этой белоснежной вершиной, венчавшей дорогу, мир, который он оставил позади, виден был ясно, как на ладони.

Какое-то время дервиш смотрел на этот мир. До сего времени он не сознавал, что он настолько красив и волшебен, но как бы ни был мир красив, возвращаться он не хотел. Сейчас для него не могло быть ничего труднее и мучительнее возвращения назад. "Что же делать ему, куда идти... Какой будет жизнь его... Какое чувство привело его сюда... Что это за дела, что за судьба такая..."

Как и раньше, что-то толкало его вперед, звало в таинственный туманный мир, но он уже был без сил; он едва держался на ногах, все тело изнывало от боли, казалось, вот-вот он рассыплется на косточки. Он слышал звуки своих болей: скопившаяся в руках, плечах боль становилась невыносимой, доводя его до беспамятства.

Чтобы не потерять равновесия, он осторожно опустился на камень и не заметил, как потерял сознание. Когда же он, наконец, открыл глаза, от прежних болей не осталось и следа, он ощущал в себе легкость птицы.

Поднявшись, вновь огляделся вокруг; мир, виденный им с вершины, теперь не был ясен, его окутал туман и серость. Ясным было только небо. Взгляд его вдруг упал на поднявшуюся из-за плеч крылья. Безумная страсть влекла его к небесам, отрывала ноги от земли.

Впереди его ждал бескрайний простор небес.

УТРЕНИЙ ТУМАН

Тусклый свет осеннего утра, проникавший в комнату через смотрящее на восток окно дома, постепенно рассеивал тьму. Ему казалось, что он не на кровати, в которую ложится спать каждый день, а в каком-то странном месте без конца и без края, в неведомой части вселенной, где взгляда не касается ничего, кроме облаков, солнца и земли.

Он не мог отвести глаз от тусклого утреннего света. Ворочался в постели, силясь вернуть пропавший сон, но тусклый свет утра играл на лице, в глазах, и сон рассеивался все больше.

Хотел встать, но не смог. Старость прессом сдавила тело, и неизбежность этого он ощущал всем своим существом. Силу этого давления он чувствовал и костями, и мышцами и всеми сосудами. И, ощущая ее, задыхался в невидимых руках старости.

Азим-киши давно знал, что носит в себе болезнь, и бегство Азима-киши от себя самого было бегством его от носимой в себе болезни. Как ни старался Азим-киши, оторваться от смерти не мог, потому как осела она у него внутри, как боль, как усталость, впиталась в кровь, во все его существо, он чувствовал запах смерти. Что бы ни делал он, высвободиться, вырваться из когтей смерти не мог. Она все разрасталась, и не было уже у Азима-киши сил носить ее в себе.

Вместе со смертью Азим-киши носил в себе еще и боль. Снедавшая нутро его боль была ни чем иным, как сознанием того, что он лишний, обуза на плечах детей. Его мучило то, что, будучи аксакалом, все семейные, домашние дела и проблемы, тем не менее, разрешались без него. Он был болен, однако не это беспокоило его. Днями лежал он с температурой, полностью утратив аппетит, и причину этого он видел в старости. Самым большим горем для Азима-киши было жить гостем в своем доме.

С трудом поднявшись, он вышел во двор. Его пробрал утренний холодок, дрожащими руками он застегнул ворот рубашки.

Он и раньше просыпался спозаранок. День едва успевал заняться, как он уже поливал сад-огород, провожал скотину в конец села на выпас, выпускал кур из курятника.

Ровно пятьдесят лет именно так повторялось его утро за утром. Когда была жива жена, как бы рано она не вставала, он уже был во дворе. А теперь сын его и невестка спят по утрам. Он не решается их будить, даже намека не позволяет себе в этом плане. Пусть живут, как знают, у самих ума хватает.

Внуки его не спят до утра, особенно младший - ни капли сна в глазах. Из-за них ни уснуть, ни отдохнуть невозможно. Но это его ничуть не беспокоит, не нервирует. Наоборот, в бессонные ночи их голоса - опора его, защита, заставляющая забыть об одиночестве своем. В такие ночи ничего другого ему и не нужно, лишь бы слышны были их голоса, шум и возня. Ничто его так не пугает в этом возрасте, как одиночество.

Ступая по росистой траве, старики поднялся к забору у дальнего конца сада. Издали взглянула в сторону кладбища. В тусклом свете утра не разглядеть было серебристого купола кладбища. Скоро рассеется туман, покажется солнце, и искрящийся светом купол странным светом озарит раскинувшуюся от самой оконицы села, поросшую полынью равнину. И цвет этот от края до края в холодном утреннем свете солнца, озабочен пробрет старику.

В утреннем тумане с трудом различались зеленеющие вдалеке, там, где кончается полынная равнина, заливные луга. Вместе с поднимавшимся солнцем, туда, к зелени тех мест, оттаявился туман. И словно какая-то часть его души, его существа, смешавшись с туманом, тяжело уходила, пыла над зеленою и кустами полыни. В последние дни вот так, стоя на крутизне, он погружался в раздумья, пока не рассеивался туман.

- Доброе утро, Азим-киши!

Старик вздрогнул, но не смог понять, откуда голос.

- Доброе утро, сынок, - ответил он.

Какое-то время он слышал удалявшиеся в тумане шаги.

Было время, когда пас он колхозное стадо, и верхом на лошади с утра и до вечера обезжал все вокруг в поисках новых пастищ. Жизнь его прошла в седле. Теперь уж сколько времени, как отпустил он коня. Но тот не привык к такой свободе, воле и никуда не уходит, пасется себе на лугах поблизости, у дома, за двором, за садом. Иногда он слышит ржание коня. То ли почувствовал тот беду над головой хозяина или что-то другое, по ночам он подолгу ржал в сторону дома. В такие моменты он в звуке этом слышал зов, но не мог найти в себе сил вырваться из жестоких лап старости и спуститься к лугу за садом, и не двигался с места, изводя себя.

Тишину утра нарушил звук воды, и звук этот с водою не мешался, а уходил, оставляя след, по ее поверхности.

Теперь весь этот сад вплоть до молодой поросли ушел из-под его начала. Когда смотрит он на купающиеся в синем тумане холодного утра деревья, его охватывает жалость к ним. Почему они так плачут? Вздойдет солнце и осушит их слезы, и вновь станут они счастливо улыбаться, как ни в чем не бывало.

Утренний туман опустился на сад, на листву деревьев, на зелень, повис над рекой. Ему казалось, что и жизнь человеческая, как этот туман - не чувствуешь, когда уходишь, на месте его остается пустота, одиночество. Осознавая это всем своим существом, он не мог понять, что жизнь проходит, никак не мог смириться с жестокой, неизбежной истиной, уводящей человека в небытие.

Старику и в голову не приходило, что придет время, и дыхание его уже никогда не смешается с тяжело уходящим, рассеивающимся над садом, зеленью, серым ворохом полыни туманом.

"Если конец человека - земля, если неизбежен жизни конец, смешение праха с землей, если все заканчивается смертью, что же тогда бесконечность, что тогда вечность?! Почему человек находит себе утешение в таких вешах, зачем он обманывается этими утешениями..."

Из тумана донеслось до него ржание коня. Сердце так подпрыгнуло, что он чуть было не потерял сознание. Схватившись за колья забора, едва удержался на ногах. "Что это лошадь ржет в такое время? Может, знает, что хозяин близко, стоит у забора? Что это за призыв такой, едва рассвело? Ржание слышно где-то вблизи, жаль, что из-за тумана ничего не видно..."

Хотел позвать коня, но голоса не было. Голос будто внутри у него завязался узлом.

Птицы, перекликаясь, пролетели над головой. От голосов их у него аж кости вздрогнули. Запрокинув голову, посмотрел он в небо, но из-за утреннего тумана ничего не разглядел там. Какая-то часть нутра его словно смешалась с туманом, присоединилась к птичьим голосам и улетала все дальше. "Пусть, вот, станет полегче, надо будет заняться племяном, совсем развалился, подправить пора, обнести кустарником - как раз время ежевику скосить. А то прохожие скажут, что двор без хозяина. Обрезать нужно и гранатовые кусты, и виноградник, не сегодня-завтра зима уж на пороге. Пока не начались дожди, нужно скосить траву в нижней части сада и подправить стог. Пусть только болезнь поутихнет, станет полегче..." Думая обо всем этом, он не мог отвести взгляда от утреннего тумана, что уходил, оставляя после себя проясненный мир.

Старику и на ум не приходило, что тяжело рассеивающийся над садом, зеленью и заливными лугами туман был последним туманом, опустившимся на его жизнь.

ХАЛЛЫ

Последыш у матери родился в самый разгар зимы. Снег падал хлопьями. Ветер, поднимая его со двора, швырял в обледеневые окна.

На крик младенца проснулись все. В темноте комнаты ничего было не различить. Отец в темноте метался из стороны в сторону, искал спички, которые, будто став лакомым кусочком, запропастились невесть куда и никак их было не найти.

Дети от страха, затаив дыхание, повставали с постелей и дрожали теперь, стоя в рубашечках, в холодном доме. Наконец, отец нашел спички и зажег лампу. Комната слабо осветилась дрожащим пламенем.

- Почему не сказала, я бы позвал Назлы, - говорит отец, будто освободившись от тяжелого груза и, завернув младенца, всего в кровь, в белую простыню, подкладывает его под бок матери.

- Не хотела беспокоить в такой снег-буран, - устало отзыается мать.
Но истинной причины не знает и сама.

- Мальчик! - говорят оба разом.

Средняя дочь еще не понимает, что случилось. Увидев завернутого в простыни ребенка, не может пересилить любопытство и подходит к кровати.

- Иди спать, - сердито отзыается мать, - что повставали в такое время...

Девочка, из боязни ли разозлить мать, из-за ужаса ли, в который повергло ее неожиданное событие этой ночи, промолчала.

Было заполночь. Ветер усиливался. Отец вышел за дровами и скоро вернулся с несколькими поленями, обметая с них снег. Еще через некоторое время жарко разгорелась железная печь. Тепло печи разлилось по комнате, грязные оконные стекла запотели, затуманились. Дети в нижнем белье окружили постель матери. Отец, разозлившись, заставил их вернуться в постели. Но даже лежа в постелях, никто не хотел спать, их охватило любопытство вперемешку со страхом.

Взяв в углу сито, отец в деревянном лотке просеивал муку. До этого момента дети думали, что это может делать только мать, как и все дела такого рода.

Просеивая муку, тело мужчины раскачивалось, в свете лампы тень его принимала на стене уродливые формы, она то увеличивалась, то уменьшалась, и картина эта словно каким-то странным ужасом наполняла комнату.

Потом в небольшой кастрюле отец стал готовить гуймаг. С удивлением наблюдали дети за тем, как готовит отец.

Приготовив обед, накормив жену, отец подбросил в печь большое полено и снова лег в постель.

...Когда дети проснулись, был почти полдень. Снег окутал все вокруг. Мать в постели, опершись на мутакку, смотрела в окно. В лице ее сквозило беспокойство. Как только дети встали, мать рукой показала старшей дочери под печь:

- Возьми и выбрось оттуда эту нечисть! - сказала она. - Потом сердито добавила.

- Время нашла...

Девочка подошла к печи. Пятнистая кошка окотилась. Четыре котенка так прижались друг к другу, точно были одним целым. Глаза у них еще не открывались.

Мать терпеть не могла кошек: Пятнистую впустили в дом по необходимости, мыши не давали покоя.

Бабушка рассказывала, что один мужчина днем и ночью молился Аллаху, чтобы тот послал ему ребенка. У мужчины того была и кошка, и собака; они также на своем зверином языке, молили о ребенке для своего хозяина. Собака будто говорила - было бы у хозяина семья сыновей-храбрецов, каждый давал бы мне по куску хлеба, и жила бы я прекрасно. Кошка же будто молила о семи слепых дочерях для хозяина, уверовывала бы тогда она по куску хлеба у каждой, ей бы и хватало... Правда ли это, ложь ли, неважно, но с тех пор кошек и не любят.

Девочка, не сказав ни слова, собрала котят в мешок и пошла в сарай. Выбрось она их на улицу, они бы тотчас замерзли. Все вокруг было белым-белого. Устроив местечко среди соломы в сарае, девочка положила туда котят. Мяучка, Пятнистая кошка шла за ней по пятам. Весь день девочка не забывала о них. Иногда, тайком от матери, приносила кошке хлеба, кусочек мяса, подстелила тряпку под котят.

В тот день отец рано вернулся с работы. В руках у него был бумажный пакет с фруктами, конфетами и другими дорогими подарками. Глаза его смеялись, он радовался, как маленький ребенок. За столько лет они впервые видели его веселым. Расправились морщины на лице, растаяло в глазах ожидание - сын родился - первый мальчик после четырех девочек. Улыбалась и мать. Не сводила глаз с отца, смотрела восхищенно.

Отец с удовольствием дымил папиросой, с хвастливым выражением на лице, будто это он, а не мать, родил ребенка. Встав, взял ребенка на руки, открыл лицо ему, долго смотрел в глаза, потом сказал:

- Говорят, хороший сын похож на дядю, будто две половинки яблока.

Ночью муж с женой долго шептались. Отец теперь не говорил грозным, нервным тоном, как раньше, с рождением ребенка стал мягким, как щелк.

Мать:

- Кошка эта нашла время котиться. Боюсь, как бы с ребенком ничего не случилось...

Отец:

- Э-э, говоришь, что на ум взбредет.

Утром старшую девочку разбудил голос матери, сонно посмотрела она в сторону печи. Котята Пятнистой кошки были под печкой. Странно, как принесла она их в снег, в стужу из сарая в дом? Откуда в дом смогла проникнуть? Девочке стало жалко кошку, она хотела попросить матерей...

- Выбрось на снег эту нечисть, - раздался сердитый голос женщины.

Девочка не решилась вымолвить ни слова. Тихо собрала котят в мешок и снова отнесла в сарай, положив на прежнее место среди соломы. Поиграв с ними, вернулась домой, чтобы принести кошке немного хлеба. Мать послала ее за дровами, потом поручила разжечь печь. Только после этого она смогла с кусочком хлеба сбегать в сарай. Войдя, она застыла от изумления: Пятнистая кошка поедала котят.

Схватив палку, девочка кинулась на кошку. Пятнистая стрелой выставила хвост, вздыбила шерсть и замяукала диким голосом. Увидев глаза ее, как две налитые кровью плошки, девочка содрогнулась. Бросив палку, побежала в дом:

- Мама, мама, кошка ест своих котят, не пускай!

Мать вздрогнула. Вдруг и младенец зашелся в крике. Мать взяла его на руки, чтобы успокоить. Девочка, не дожидаясь матери, снова побежала в сарай.

Пятнистая кошка уже съела троих котят. Схватив попавший под руку обломок кирпича, девочка запустила им в кошку. Кирпич пролетел мимо. Схватив последнего котенка, в мгновение ока кошка была уже с ним на крыше сарая.

С того дня кошка в доме не появлялась. Мать жалела о том, что сделала, но виду не показывала.

Сестры до вечера не отходили от маленького брата, кружили вокруг него, как мотыльки вокруг огня. Мать надела ему на запястье бусинку от глаза. Крутила соль над головой у него, когда в дом приходили чужие люди, чтобы не слазили, когда кладывала спать, под подушку клала нужную траву, чтобы не пугался во сне.

Пятнистая кошка потихоньку забывала.

Однажды утром мать, напоив скотину, завела ее в хлев и позвала старшую дочь. Девочка, надев доходившие ей до бедер мужские резиновые сапоги, вышла во двор. Мать спокойно сказала:

- Пятнистая в сарае, спит на соломе.

Девочка обрадовалась, с трудом волоча ноги в больших сапогах, пошла в сарай. Внутри было темно. Держась за стену, она прошла вперед. Глаза постепенно привыкли к темноте. Дойдя до риги, застыла на месте. Пятнистая кошка умерла среди соломы, где девочка устроила гнездышко для ее детей.

Девочку душили слезы

Придя, наконец, в себя, она вышла во двор.

Погода была снежной. От холода леденели зрачки. Ветер срывал сосульки с желобов.

ЛЕГЕНДА О ЗМЕЕ

Поднялся горячий пустынный ветер. Песчаное море всколыхнулось. Сумасшедшая духота в мгновение ока тянула в воздух раскаленные крупицы песка. Змея замерла. Выползла из-под горячего песка, нанесенного на нее ветром. Подождала, пока уляжется порыв ветра.

Наконец, ветер стих. Пустыня очистилась от поднятого ветром песчаного тумана. Пыпало солнце огнем. Воздух был раскален, как нутро тэндира. Жаром при вдохе обдавало легкие, закипал мозг.

Впереди расстилалась серая пустыня. Не известно было, где кончалась эта дорога, куда направлялась. К жизни вела та дорога или к могиле, к воде или к жажде? Змея этого не знала.

Вдруг она остановилась. Подняв с земли голову, огляделась вокруг. Не слышно ни звука, нависло тяжелое пустынное безмолвие. Высунув язык, странно заблеяла. Где-то поблизости раздался писк огромных пустынных крыс, забившихся в норы, напуганных звуком змеи. И снова все окутала тишина. Змея проблеяла еще и еще раз.

Пустыня тянулась и тянулась. Змея устала ползти без передышки. Горячий песок натер тело до крови. Ей хотелось сбросить кожу. Старая кожа мучила ее, беспокоила.

Свернулась клубком на песке, развернулась, потом, скаввшись, тихонько потянулась вперед. Сероватая, старая узорчатая кожа змеи скользнула с ее маслянистого тела. Какое-то время змея разглядывала старую кожу. Кто знает, в который раз она так меняла одежду. На этот раз, кажется, в последний. Змея это почувствовала. Последнее платье, последняя шкура.

От головы ее поднялся дым. Она свернулась. В солнечном свете блеснула новая кожа, напоминавшая рыбью чешую. Змея свернулась еще раз и еще. Потом, обессиленная, вновь поползла.

Змея была цвета пустыни. И пустыня была цвета змеи. Пустыню и змею не отличить было друг от друга. И пустыня была серой, и змея. И воздух был серым, и белый караван облаков, помутнев, окрасил небо серым цветом.

Новая кожа не выносила жару. Кожа болела. А дорога в пустыне все тянулась. Змея решила, что у дороги этой нет конца, она ведет к бесконечности, беспредельности.

Иногда она, остановившись, переводила дыхание. Потом опять ползла, пока окровавленное тело не лишалось сил.

Солнце быстро клонилось к западу. Впереди змею ждала бессонная ночь в пустыне. Змея знала, что после этой ночи вновь настанет утро, снова взойдет солнце, объемлю пустыню огнем, и опять начнутся ее мучения - ползти по пустыне.

Змея уже потеряла надежду найти безлюдное место. После того, как увидела на прошлой неделе у двух пальм в пустыне верблюда и спящего в тени человека в белой чалме. Змея знала, что проклята человеком и так, и эдак. Вот и бежала прочь от человека. Как же похож был человек в чалме на убийцу ее братьев. Ах! Сердце змеи было полно бесконечной ненависти к человеку. Эта ненависть пронизывала все ее существо, от тонкого хвоста до кинжалных зубов. Ненависть эта играла в ее мелких водянистых глазах, кипела, смешилась с ядом. Тяжесть этой ноши, этой ненависти была известна лишь ей самой и Аллаху ее.

Сколько дней и ночей ползла она, не останавливаясь. У нее уже не было ни сил, ни терпения. Все существо ее было слез, но плакать она не могла. Что ни делала, глаза ее оставались сухими, не осталось в них больше слез.

Змея испугалась. Плакать было невозможно, плакать было нельзя. Зрачки высохли, болели глаза из-за отсутствия слез.

Чувствовала, что эта ночь - последняя ночь ее жизни. После этой ночи не видеть ей больше ночи, навечно лишившись ночей. Что ж делать теперь?

Спать ей этой ночью, или любоватьсяочной тьмой, ее прохладой, звездами? Змея не хотела спать этой ночью, зная, что она последняя.

...Но уснула. И во сне опять увидела пустыню. Вдалеке на поверхности песка что-то темнело маленькой точкой. Нацелившись на эту черную точку, она поползла. Точка оказалась черным камнем, она стала его лизать. У камня был вкус воды. Змея лизала и лизала его. Вдруг из того места, что она лизала, брызнула вода. Змея, как сумасшедшая, стала пить ее. Но не напивалась и все пила. Змея поняла, что не напьется, и скользнула в родник.

Когда проснулась, солнце едва выглядывало из-за горизонта. Ночная прохлада еще не оставила пустыню.

Сколько дней уже змея не слышала ни голоса человеческого, ни звука колокольчика. Она тосковала по звукам, очень тосковала. Молчание пустыни пронзительно отдавалось в ушах.

Она совсем забыла о голоде. Ее мучила жажда. А пустыне не было конца. Все ползла она и ползла.

Глаза змеи с трудом различили среди песка серую пустынную крысу. Собрав все силы, она бросилась на крысу и вонзила свои зубы, точно книжалы, в ее жирную глотку. Крыса билась довольно долго, не высвободить свою глотку из змених зубов не смогла.

Змея подставила рот под струю крови, брызнувшую из крысиного горла. Стала пить кровь вместо воды. Хотела кровью утолить жажду. Кровь была горячей, с тошнотворным запахом, но томимая жаждой змея этого не чувствовала.

Змея выпила всю кровь крысы. Потом и сама вяло расплатаилась рядом с крысным трупом. Живот ее вздулся. Выпитая кровь ее мучила, желудок, будто к горлу подкатил. Она свернулась, извиваясь, и стала вырывать.

Пенистая кровь лилась у нее из рта и запекалась в горячем песке. После змея осталась лежать без сил. Солнце жгло ее тело. Если оставаться так вот лежать на горячем песке, можно превратиться в шашлык. И она снова поползла.

Пустыня серела. Ничто не касалось взгляда, кроме низких и высоких песчаных холмов.

Но она чувствовала, что больше не может ползти. Не осталось сил тащить свое тело. Солнце припекало все сильнее. Змея хотелось покончить с муками, отдохнуть. Теперь у нее не было ни надежды двигаться вперед, ни сил вернуться назад. Как же избавиться от этих мук, от этой пытки?

Вдруг на ум ей пришла странная мысль. Может, глотнуть собственного яда... Тот вечный покой, что несет он всем живым, отчего не воспользоваться им самой... От этой мысли ей стало немного легче. И стала глотать она собственный яд. Яд обжигал нутро. Когда достиг желудка, ее пронзила боль. Ее скрутило от боли. Так скрутило, будто внутренности ее рвали на куски, вытягивали железными щипцами из рта. Змея извивалась, и боль будто стихала, уменьшалась. Потом из желудка яд перешел в вены, кровь и разлился по всему телу.

Время было к вечеру. Глаза змеи пожелтели, помутнели. Но она еще не умерла. Ждала вечера. Не могла умереть, не увидев своей звезды.

...Ночью на небе народились крупные звезды. Поискала, змея нашла свою счастливую звезду. Смотрела на нее, смотрела своими утратившими свет глазами. Потом положила голову на горячий песок, который не могла остыть летнюю ночь, и закрыла глаза.

Перевод Медины ЭЛЬДАРОВОЙ